

### СИМУЛЯКРЫ СМЫСЛА В КУЛЬТУРЕ

Во второй половине XX в. благодаря работам виднейших представителей французского постмодернизма – Батая, Делёза, Бодрийяра и др. – в философский лексикон прочно вошло такое понятие, как «симулякр». Употребляемое вначале лишь в узких рамках постмодернизма, понятие это оказалось настолько удачным, что очень быстро вышло за свои первоначальные границы и стало широко применяться в описаниях самых различных областей культуры.

Однако то, что в XX в. получило столь ёмкое название, в смысловом отношении нельзя считать чем-то принципиально новым. Например, Жиль Делёз, полагает, что проблему симулякров начал исследовать ещё Платон, который в своем диалоге «Софист» касается проблемы отличия так называемых первичных и вторичных образов. Делёз утверждает, что Платон для определения вторичных (по сути лживых) образов употреблял слово, которое в переводе на французский язык звучит как «симулякр». В русском переводе «Софиста» такого слова, разумеется, нет, но в тех местах платоновского текста, о которых говорит Делёз, можно прочесть: «призрачные подобию», «болтовня», «фокусы», «обман» и «заблуждение».

Рассматривая философию Платона, Делёз прежде всего касается диалектики Тождественного и Иного. Платоновскую категорию «Тождественное» Делёз предлагает переименовать в категорию «повторение», а категорию «Иное» – в категорию «различие». Делёз полагает, что в классической философии предпочтение принято отдавать тождественному и всеобщему (повторению), различие же относить к чему-то хаотическому и неконтролируемому. По Делёзу, подобное предпочтение – это всего лишь философская мода. Хаос и беспорядок не менее значимы в бытии, чем сходства и общности. Например, творчество невозможно, если мы не будем готовы уничтожать что-либо авторитетное, общепринятое ради чего-то принципиально нового. Творчество – манифестация различия, очевидное пренебрежение всем повторяющимся ради ещё не сбывшегося. «Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференцируют его. Необходимо, чтобы каждый член ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом соотношении с другими членами, учреждая тем самым другие ряды, лишённые центра и сходимости. В самом ряду нужно утвердить расхождение и смещение центра. Каждая вещь, каждое существо должно видеть поглощение собственной идентичности различием, быть различием среди различий» [1:79], – пишет Делёз.

С точки зрения Делёза всё мироздание управляется единственным принципом различия. Сама «логика» мироздания непрерывно формирует всё новые и новые различия, которые по определению ускользают от какого-либо понимания. Повторение уже не имеет самостоятельных проявлений, являясь частным случаем различия. По сути, любое тождество и повторение – всего лишь иллюзии, которые навязываются человеку, причём, как правило, сознательно.

В этой связи интересны дальнейшие рассуждения Делёза о том, что принято называть смыслом. Никакого объективного смысла, по Делёзу, не существует. Он распадается на множество частных смыслов, несовместимых друг с другом. Смысл уже относится не к элементам и понятиям, а к симулякрам. Он не открывает, а скрывает суть любого дискурса, оказывается ширмой, прикрывающей бесконечное различие. «Система симулякра утверждает расхождение и смещение; единственное соединение, единственное совпадение всех рядов – поглощающий их бесформенный хаос. Ни у одного ряда нет преимущества перед другим, ни один не обладает тождеством образа либо подобием копии. Ни один не противостоит другому и не аналогичен ему» [1:334], – пишет Делёз. Тем самым, смысл служит исключительно для того, чтобы «симулировать» порядок внутри структуры, тогда как на самом деле в ней царит хаос.

Никакой смысл не может быть окончательным. Не существует платоновского царства вечных сущностей. «Идеи» Платона – это то, что «симулируется» сознанием по двум причинам:

1. по причине несовершенства сознания;
2. по причине его практической ориентированности.

Равно, как не существует двух одинаковых людей, так и не существует, к примеру, двух одинаковых деревьев. По большому счёту слова «дерево» не должно быть вовсе. Как человеку при рождении даётся имя собственное, так и каждое дерево в идеале должно называться каким-то особым, употребляемым только по отношению к нему, словом. И это относится как к любой части дерева (ветке, почке и т.д.), так и к любому предмету вообще. Понятно, что, во-первых, человек не в состоянии запомнить такое большое количество собственных имён (в силу несовершенства его памяти), а во-вторых (что самое главное), человеку этого просто не надо. В практических целях ему совсем не обязательно каждому предмету давать собственное имя. Предметам, имеющим сходные черты, достаточно присвоить одно, общее для них всех название, или просто обозначить идею этого предмета.

Практическая составляющая имеет здесь первостепенное значение. К примеру, у народов крайнего

севера имеются отдельные слова, обозначающие такие понятия как «мокрый снег», «снег, покрытый коркой» и т.д. Существование таких слов в их языке понятно, ибо при их образе жизни и хозяйственной деятельности знать каково текущее состояние снега бывает крайне важно.

Отсюда и возникает вопрос о смысле слова. Что передаёт слово? На что оно направлено? Отражает ли оно объективную сущность мироздания, или же просто очерчивает границы практической сферы деятельности человека? Для Делёза ответ однозначен. Смысл – это видимость, симулякр объективности. Как потёмкинские деревни, он бутафорски создаёт порядок, порождая иллюзию подлинности этого порядка. Смысл целиком и полностью зависит от личного интереса человека к чему-либо. Так, идя через лес и обнаружив на своём пути канаву, человек начинает искать поблизости какое-нибудь орудие, с помощью которой он бы мог преодолеть препятствие. Именно в этот момент он обращает внимание на лежащую рядом с ним палку, и именно тогда она обретает для него смысл. Причём смысл не какой-нибудь, а вполне определённый. Человек вряд ли начнёт оценивать красоту этой палки, изящество линии её изгибов. В такой момент его больше будет интересовать её надёжность и удобство. Таким образом, смысл, который человек будет вкладывать в окружающее, то, на что он обратит внимание, всегда зависит от той конкретной ситуации, в которой человек окажется. Станет ли этот предмет палкой или чем-то иным (художественным образом для художника, например), зависит от направленности человеческого интереса в данный момент. Но каков же мир вне человеческого интереса? Что сейчас находится рядом – палка, художественный образ, что-то иное или Ничто? Если человек фиксирует своё внимание благодаря какой-то причине, и от этой причины полностью зависит та картина, которая предстанет перед его взором, что же он увидит, если никакой причины не будет? Мы ведь обращаем внимание далеко не на всё, что нас окружает. Наш интерес выборочен. Причем то, на что всегда обращает внимание один человек, часто совсем не заметит другой. И более того, даже смотря на, казалось бы, одну и ту же вещь, каждый видит её по-разному. Значит, есть какая-то причина, обуславливающая подобное предпочтение и подобное видение. И если эту причину убрать, станет ли человек вообще что-либо замечать?

Философы-экзистенциалисты много говорят о так называемых «пограничных ситуациях», в которых может оказаться человек. К одной из таких ситуаций относится состояние аффекта. Человек, переживший аффект, говорит после примерно следующее: «для меня в тот момент словно весь мир застило». Что значит «мир застило»? Как это не парадоксально может звучать на первый взгляд, но дело в том, что в состоянии аффекта человек в определённом смысле «теряет» сознание. В обыденном понимании потерю сознания констатируют при полнейшей неспособности живого человека что-либо воспринимать и делать. Но это не совсем так, если под сознанием понимать также и наличие некой ментальной деятельности по отношению к самим восприятиям и действиям. В этом плане аффект есть потеря сознания (по крайней мере, частичная), ибо человек в таком состоянии, хотя и совершает какие-то действия, но совершенно их не контролирует. И даже более того, его непосредственные восприятия окружающего крайне ограничены. Человека в таком состоянии невозможно остановить силой убеждения, ибо кроме объекта своего аффекта, он больше ничего не видит. Именно в этом смысле мир вокруг него как будто «застылает». Или, говоря точнее, положение мира на какое-то время занимает сам объект аффекта. Всё же остальное превращается в Ничто. Человек говорит «мир застило» уже после того, как вновь «обретает» сознание и понимает, что «настоящий» мир, к счастью, не столь ограничен. Но задумаемся, какой из этих миров действительно настоящий? Ограниченность человеческого восприятия в момент аффекта не означает, что в обычном состоянии никаких ограничений для восприятия нет. Возможно, речь можно вести лишь о степени ограниченности. Тогда получается, что мир в той или иной степени «застелён» от человека всегда. Только в одном положении человеку есть с чем сравнивать, а в другом нет.

Это как в случае с вращающимся вентилятором. Если вращение происходит слишком быстро, человеческий глаз не способен различать отдельные лопасти вентилятора, а видит перед собой только некое размытое серое пятно. Тот, кто видел вентилятор до того, как он начал вращаться, знает, что лопасти существуют. Но будут ли они существовать для того, кто видит вентилятор первый раз в жизни и только вращающимся? И что произойдёт в том случае, если помимо лопастей вентилятора начнёт вдруг с бешеной скоростью вращаться всё вокруг? Что предстанет перед взором человека, который именно в этот момент впервые попадёт в мир? Не то же ли самое размытое серое пятно с той лишь разницей, что кроме него уже больше ничего не будет?

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, что же побуждает человека к постоянному и настойчивому поиску смысла, если этот смысл настолько относителен? Каков механизм производства смысла и что же является причиной того, что смысл становится симулякром?

Принято считать, что основой познавательного процесса служит логическое рассуждение. Однако в случае со смыслом это не совсем так и побуждающая причина здесь чаще скорее не логическая, а психологическая. Постараемся выяснить, каково же соотношение этих двух сторон в знании. В качестве иллюстрации рассмотрим процесс познания того, что во все времена интересовало и продолжает интересовать многих мыслителей – первой причины всего сущего, или Бога. С одной стороны, поскольку

понятие Бога вроде бы существует, и оно вроде бы что-то означает, должно имеется также и некое знание об этом феномене. С другой стороны, даже беглого знакомства с рассуждениями лишь некоторых мыслителей о Боге достаточно для того, чтобы понять, что одним из главных атрибутов, приписываемых ими Богу, является Его непознаваемость. Но если это так и Бог непознаваем, то значит и первая причина всего сущего также непознаваема. Или иными словами, мы не можем ничего знать о первой причине сущего. Утверждение, что «первая причина сущего есть Бог» в логическом отношении является простым аналитическим суждением, в котором смысл слова «Бог» абсолютно тождественен со смыслом словосочетания «первая причина сущего». С тем же успехом можно было бы констатировать, что «первая причина сущего есть первая причина сущего», или «Бог есть Бог». Почему же тогда так много авторов, рассуждающих на эту тему, предпочитают сказать «Я ЗНАЮ, что первая причина сущего Бог», а не «Я НЕ ЗНАЮ ничего о первой причине сущего», если в данном случае это означало бы одно и то же? Почему «я знаю» (даже если это «я знаю» иллюзорно) предпочтительнее «я не знаю»?

Чтобы добиться ясности в этом вопросе, попытаемся поставить себя на место человека, рассуждающего о первой причине сущего. О таком человеке определённо можно сказать по крайней мере одно: если он рассуждает о первой причине сущего, значит эта причина его интересует. Но чем обусловлен тот или иной человеческий интерес? Почему то, что интересно одному человеку, гораздо в меньшей степени или совсем не беспокоит другого? Думается, слово «беспокоит» является здесь ключевым и проявление интереса можно отнести к определённому роду беспокойства человека о чём-либо. Если речь идёт о философии, то вид философского беспокойства можно назвать, к примеру, беспокойством об истине. Когда человек чем-то обеспокоен, естественным для него желанием является преодоление этого беспокойства. Было бы странно услышать от кого-нибудь, например, такую фразу: «Меня очень беспокоит вопрос о первой причине сущего, но я ничего не хочу делать для того, чтобы в этой причине разобраться». Подобная фраза вызывает сомнение в искренности говорящего. О подлинных интересах человека, как правило, можно судить по его реальным делам и результатам этих дел. Ибо подлинный интерес есть то, что неизбежно толкает к действию. И причина здесь – стремление к удовлетворению интереса или желание избавиться от вызываемого им беспокойства, т.е. обрести покой.

Какими же способами человек может обрести покой? В случае со знанием имеется только один способ для этого – нахождение ответа на интересующий вопрос. Этот процесс имеет свою специфику и существенно отличается от подобного процесса, происходящего, скажем, в электронной машине. Рассмотрим алгоритм простейшей компьютерной программы:

1. вывести на экран сообщение «введите любое число».
2. если введена цифра 0, то вывести сообщение «Вы ввели 0»
3. если введена цифра 1, то вывести сообщение «Вы ввели 1»
4. если введённая цифра не 0 и не 1, вернуться к пункту 2.

В этом алгоритме нас больше всего интересует тот случай, когда введённая цифра не равна 0 или 1. Мы видим, что при таком условии программа будет возвращаться к пункту 2 и затем, пройдя пункты 3 и 4, вновь возвращаться к пункту 2. Произойдёт так называемое «зацикливание» и если допустить, что компьютер способен работать неограниченное количество времени, он будет «думать» над этой задачей вечно.

А теперь зададимся вопросом, способен ли к такому же вечному обдумыванию также и человек, даже в том случае, если ему будет дарована вечная жизнь? Скорее всего, на этот вопрос необходимо ответить отрицательно. И причин здесь как минимум две:

1. в отличие от машины, человек – это живое существо. Человеческий мозг может уставать, и во избежание «перегрева» должен быть защищён от «зацикливания».

2. в отличие от компьютера, человек имеет не только чисто логическую, но и психическую сторону. К одному из проявлений психической стороны относится наличие у человека желаний (в данном случае желание знания). Как и в первом случае здесь также возможен «перегрев». Поэтому любое желание человек по возможности стремится удовлетворить.

Какой механизм защищает человеческий мозг от «зацикливания»? Если кому-то, к примеру, предлагают перемножить в уме два числа (допустим 123 и 456), то от момента начала умственного перемножения до того момента, когда испытуемый выдаёт ответ, проходит некоторое время, в течение которого в голове испытуемого происходит процесс обдумывания. Природа этого процесса во многом остаётся загадкой. Однако нас в данном случае интересует не это. Мы хотим знать, что происходит, если испытуемому в течение долгого времени не удаётся найти ответ? Способен ли он непрерывно думать неограниченное время? Понятно, что нет. Кто-то может думать больше, кто-то меньше, но у любого человека процесс непрерывного обдумывания всегда ограничен. Если человек не может прийти к ответу в течение долгого времени, он, по крайней мере, сделает паузу и переключится на что-то другое. Если результат его не слишком интересует, он в дальнейшем вообще может больше не возвратиться к поставленной задаче и вполне удовлетвориться своим незнанием. Если же поиск ответа для человека важен, то пускай даже с паузами, но человек непременно будет стремиться к тому, чтобы достичь какого-

нибудь конкретного результата. Этот результат не обязательно должен быть верным. Важно, чтобы человек думал, что он верный. Только осознание того, что результат достигнут, способно удовлетворить человека.

В случае с перемножением двух чисел всё довольно просто. Даже если человек не слишком силён в арифметике, он с трудом, но способен достичь желаемого результата. Ибо имеются конкретные два числа и чётко определённые правила их перемножения. Всё несколько сложнее в случае установления первой причины сущего. Сама постановка вопроса о первой причине сущего основывается на законе причинной связи, одним из постулатов которого является следующий: ничто не может быть причиной самого себя. Если этот постулат заложить в компьютер и с помощью него попытаться определить первую причину сущего, компьютер заикнется, ибо его действия основаны на строго логических правилах, которые не позволят ему выполнить поставленную задачу (дойти до ответа) при наличии такого постулата. Строгой логики способен придерживаться также и человек. Однако мы установили, что человек защищен от «заикливания». Поэтому, если он будет следовать только законам логики, то, потратив некоторое время на обдумывание, он, скорее всего, признает, что не знает ответа на поставленный вопрос. Но сможет ли такой «результат» удовлетворить человека, если он по-настоящему интересуется данной проблемой? Очевидно, что нет. Ведь человек потому и задаётся каким-либо вопросом, что хочет найти на него определённый ответ. Желание – вот что лежит в основе человеческого интереса. А мы знаем, что сильное желание, которое не находит удовлетворения, также опасно для психики, как и «заикливание» для мозга. Какой же выход находит в этой ситуации психика? Об этом защитном механизме, представляющим собой способ снятия внутреннего напряжения путём перенаправления импульсов с недостижимого на достижимое, писал ещё Зигмунд Фрейд. Он назвал этот механизм термином «сублимация». В принципе, Фрейд трактовал сублимацию как основной источник любого творчества и считал культуру её продуктом. В данном случае, говоря о способе, которым человек «устанавливает» первую причину сущего, мы позволим себе употребить словосочетание «смысловая сублимация». Суть её заключается в замене слов «не знаю» на слово «Бог» и трансформации тем самым менее приемлемой формы выражения в более приемлемую. Причём замена эта на психологическом уровне не просто маскирует незнание, а создаёт иллюзию того, что ему противоположно. Достижимый сублимацией результат – это знание, которым человек в конечном итоге овладевает. Конечно, мы не станем утверждать, что всякое знание иллюзорно. Возможно, об иллюзорном характере знания можно говорить лишь в отношении тех случаев, когда поиск ответа на тот или иной вопрос нельзя осуществить логически, и потому человек вынужден прибегать ко всякого рода «уловкам». Помимо вопроса о первой причине сущего, сюда относится, например, вопрос о том, что происходит с человеком после смерти, над которым среди прочих рассуждает шекспировский Гамлет в своём знаменитом монологе: «Кто бы согласился, // Кряхтя, под ношей жизненной плестись, // Когда бы неизвестность после смерти, // Боязнь страны, откуда ни один // Не возвращался, не склоняла воли // Мириться лучше со знакомым злом, // Чем бегством к незнакомому стремиться! // Так всех нас в трусов превращает мысль, // И вянет, как цветок, решимость наша // В бесплодье умственного тупика, // Так погибают замыслы с размахом, // В начале обещавшие успех, // От долгих отлагательств...» (перевод Бориса Пастернака).

С точки зрения Гамлета, из двух вариантов «быть или не быть?» человек, не смотря ни на что, выбирает «быть» именно потому, что не знает определённо, что ждёт его после смерти. Конечно, он бы мог утешить себя рассуждениями о загробной жизни, о переселении душ или о спасении. Для человека верующего всё это имеет смысл, однако смысл иной, не такой, какой он представляется человеку, рассуждающему рационально (не случайно в христианском богословии, например, имеет место такое понятие как «благодать»), и обретение веры рассматривается не как постижение чего-то, а как дар божий, выражающийся в обладании некой мистической интуицией). При рациональном же подходе подобные вопросы не могут иметь ответа, и единственный их результат – неизвестность, или незнание. А в такой ситуации всякое незнание, как следствие, всегда сопровождается страхом. И именно страх заставляет человека «мириться лучше со знакомым злом» (или злом, о котором человек знает), «чем бегством к незнакомому стремиться» (т.е. к тому, о чём ничего не известно). (Ни с этим ли связан среди прочего не проходящий людской интерес ко всякого рода предсказаниям, гаданиям, астрологическим прогнозам и т.п.?)

Однако можем ли мы до конца быть уверены в том, что движет нами, когда, рассуждая рационально, мы всё же приходим к какому-либо выводу? Что есть наше знание? Результат прохождения всей цепочки логических рассуждений и рассмотрения вопроса со всех возможных сторон, или же простая «подгонка» аргументов, движимая бессознательным желанием обретения душевного покоя в случае получения ответа? Ведь ещё софисты в своё время наглядно продемонстрировали, насколько человек может быть изобретателен в поиске убедительных рациональных доказательств на первый взгляд, казалось бы, совершенно абсурдных утверждений. Если это так и единственное правдивое знание – это знание того, что не знаешь ничего, всё иное автоматически превращается в один большой симулякр, и мысль Делёза только завершает сказанное Фрейдом, показывая человеку неизбежный результат всех его сублимаций.

Сам Фрейд, говоря об основной функции процесса сублимации, выделял, прежде всего, функцию преобразования сексуальной энергии, а именно способность менять первоначальную сексуальную цель на иную, несексуальную, но психологически близкую ей. Так, если сексуальная цель направлена на овладение сексуальным объектом, то сублимированная цель интеллектуальных усилий заключается в овладении знанием. На первый взгляд может показаться, что результат в обоих случаях – избавление от накопившейся энергии. Однако это не совсем так и конечным итогом подобных усилий является не избавление от энергии вообще, а избавление от той энергии, которая вызывает беспокойство, что не всегда есть одно и то же. Ведь если следовать законам физики, то одним из важнейших принципов, лежащим в основе движения и взаимодействия, энергетически заряженных тел, является принцип наименьшего сопротивления. Следование этому принципу не означает, что тело в своём вынужденном прямолинейном движении «желает» скорейшим образом избавиться от, сообщённой ему, энергии (иначе оно бы выбирало путь наибольшего сопротивления). Это означает прежде всего выбор телом того пути, следуя которым, оно испытывало бы наименьшее противодействие окружающей среды, т.е. по сути выбор той среды, которая в наименьшей степени беспокоило бы тело (а в идеале не беспокоило бы вообще).

Точно таким же образом поступает и человек. Только в отличие от движущегося тела, источник, беспокоящей человека энергии, может быть не только внешним, но и внутренним. Можно не соглашаться с Фрейдом по поводу первоначального характера этого источника. В данном случае это не столь важно. Важно, что какая-то энергия в человеке присутствует, и что она его беспокоит. Эта энергия ищет реализации, которая осуществляется по тем направлениям и в тех областях, которые данному человеку наиболее близки по его природному складу (т.е. там, где расходовать энергию ему проще всего). Так человек меланхолического склада вряд ли станет увлекаться силовыми или экстремальными видами спорта. Если он и пожелает вдруг осуществлять выбор в этой области, то, скорее всего, выберет какие-нибудь настольные спортивные игры или, например, игру в городки. Такие игры, с одной стороны будут способствовать реализации его энергии, с другой стороны, причинят его психике минимум беспокойства. То же самое будет относиться и к любому иному человеческому предпочтению. Кто-то выбирает физическую, кто-то интеллектуальную деятельность. Сколь разнообразны люди, столь же разнообразны и их интересы. И столь же разнообразна в конечном итоге культура, представляющая из себя не что иное, как результат реализации этих интересов.

Конечно, поскольку культура существует и изменяется, можно говорить не только о наличии в ней неких конкретных материальных артефактов, но о непосредственном живом культурном процессе, т.е. о том, что вещественно ещё не явлено, но находится на стадии замысла или творения. Однако, как уже было сказано, любой творческий процесс есть процесс удовлетворения желания. Его конечная цель – достижение определённого результата. Пока результат не достигнут, а есть лишь нечто, находящееся в становлении, как-либо его охарактеризовать мы не можем. Ведь находиться в становлении означает непрерывно меняться, а, следовательно, не иметь момента времени, когда о становящемся можно было бы сказать что-либо определённое. Если выражаться языком представителей философии жизни, то всё становящаяся есть сама жизнь, в отличие от ставшего, являющегося её противоположностью.

Что же на основании вышеизложенного можно сказать в отношении механизма, побуждающего индивида к поиску смысла? Является ли страх оказаться перед лицом неизвестности (перед Ничто) тем, что лежит в основе стремления к познанию вне зависимости от того достигает ли человек при этом какого-либо результата или нет? Безусловно является, ибо в обоих случаях стремление к нахождению ответа есть стремление к обретению смысла, которого изначально нет ни у кого. И если в первом случае смысл человеку удаётся найти (например, введением в рассуждение понятия «Бог»), то во втором случае подобного не происходит и человеческое незнание так и продолжает оставаться незнанием. Это незнание, хотя и беспокоит человека, однако является для него более приемлемым, нежели смысловой симулякр, ибо обеспечивает целостность его сознания, не желающего использовать симулякры в качестве платы за свой покой.

#### **Литература**

1. Делёз Ж. Различия и повторение. СПб., 1998.
2. Никоненко С.В. Современная западная философия. СПб., 2007.